

ИСТОРИЧЕСКАЯ СТРАНИЧКА

ГРАФ ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ИГНАТЬЕВ – «МИНИСТР ОБЩЕСТВЕННОГО ДОВЕРИЯ» (к 150-летию со дня рождения)

*Михаил Викторович БОГУСЛАВСКИЙ,
заведующий лабораторией истории педагогики
и образования ФГБНУ «Институт стратегии развития
образования РАО», д.п.н., профессор,
член-корреспондент Российской академии образования,
председатель Научного совета по проблемам
истории образования и педагогической науки
отделения философии образования
и теоретической педагогики РАО*

Казалось, самой судьбой было уготовано, чтобы в тяжелейшее время Первой мировой войны, в 1915–1916 гг., у руля российско-го просвещения оказался именно такой деятель, как Павел Николаевич Игнатъев (1870–1945). При нем Министерство народного просвещения знаменательно и заслуженно именовалось «Министерством общественного доверия».

За Веру, Царя и Отечество

Выдающийся государственный деятель, просветитель и педагог Павел Николаевич Игнатъев родился 30 июня (12 июля) 1870 г. в Турции, в Константинополе, на дворе русской дипломатической миссии. По происхождению он принадлежал к старинному аристократическому роду Игнатъевых, имевшем славные заслуги перед Отечеством, давшем России немало видных военачальников, политических деятелей и Святых, канонизированных Русской православной церковью. На гербе Игнатъевых был размещен девиз «Вере, Царю, Отечеству».

Родник живой воды у Чернышева моста

Вся жизнь П.Н. Игнатьева – это удивительный диалог России и Запада. Павел учился сначала в Санкт-Петербургском Императорском университете, в Сорбонне (Париж), в 1892 году окончил Киевский университет. Затем он находился на различных государственных и общественных должностях: был предводителем дворянства, председателем земской управы, киевским губернатором.

В январе 1915 г. П.Н. Игнатьева назначают управляющим, а в мае 1915 г. – министром народного просвещения Российской Империи. Назначение П.Н. Игнатьева было встречено с воодушевлением общественностью, в особенности профессорско-преподавательским и педагогическим корпусом. Директор Московского промышленного училища К.Ю. Зограф восклицал: «С тех пор, как во главе Министерства народного просвещения встал граф П.Н. Игнатьев, у Чернышева моста открылся родник живой воды» (министерство располагалось рядом с этим мостом) [1].

Современники называли П.Н. Игнатьева «министром общественного доверия», что было экстраординарным для того времени: царским министрам и сановникам у общества никакого доверия не было. Но именно Игнатьев сумел создать благоприятные условия для совместной работы Министерства народного просвещения, Государственной Думы, Государственного Совета, органов местного самоуправления, широких слоев педагогической интеллигенции по реформированию системы образования.

«Брусиловский прорыв» в образовании

После осознания того факта, что Первая мировая война может затянуться надолго, в кругах здравомыслящего и патриотически настроенного высшего петербургского чиновничества возникли идеи по подготовке нового прорывного реформационного проекта в сфере образования, эффект от реализации которого был бы аналогичен значению «Брусиловского прорыва» на фронте.

Ближайшие задачи министерства были вызваны обстоятельствами военного времени, перспективы – послевоенные мероприятия реформирования народного просвещения –

следовало решать сообразно с «завтрашним днем русской жизни» [1].

С весны 1915 и до конца 1916 года П.Н. Игнатьев упорно и целеустремленно осуществлял систему широких преобразований. Что реформировал? Все, начиная с руководства Министерства и заканчивая начальной школой в сельской местности. Видит, что аппарат министерства плох, вносит изменения в личный состав и структуру. Попечительские управления округов тормозят осуществление мероприятий – производит реорганизацию их работы. Университеты не готовят специалистов, стоящих на высоте требований науки, – реформирует университеты.

Либеральная образовательная реформа П.Н. Игнатьева была ориентирована на создание и консолидацию национальной системы образования в общем русле отечественных модернизационных проектов, реализуемых в других сферах общественной и государственной жизни. Перво-наперво в рамках реализации реформационного образовательного проекта необходимо было решить переходящий от одного министра народного просвещения к другому «вопрос о всеобщем бесплатном начальном образовании, которое теперь должно было стать обязательным» [1].

Но главной заботой Павла Николаевича и его самой сильной болью оставалась, конечно, средняя школа. В ходе разразившейся Первой мировой войны явственно обнаружилось, что отечественная школа «не подготавливает людей, стоящих на высоте требований, которые предъявляются техническим уровнем вооружения противника». Во многом это тогда связывалось и объяснялось построением российской средней школы по образцу немецкой классической гимназии, что в обстановке войны становилось совершенно недопустимым. Надо было решительно рвать со сложившимися традициями [1].

В качестве важнейшей задачи реформы выдвигалась идея создания «самодовлеющей школы», которая в полной мере подготавливала бы к последующей жизни, «давая общее законченное образование, открывала бы своим питомцам дальнейшие пути применения способностей

и приобретенных познаний, а не влекла бы искусственно в высшую школу» [5].

Таким образом, преодолевалась жесткая связь университета и гимназии, выпускники которой теперь могли преуспевать в своей последующей профессиональной деятельности, независимо от того, получили они высшее образование или нет. Если прежде школа рассматривалась лишь как подготовительная ступень к поступлению в университет, после реформы она должна была приобрести общеобразовательный статус. Практическая направленность обучения становилась важной задачей функционирования средней школы, выпускники которой мыслились активными участниками социально-экономической сферы деятельности.

В качестве стратегической цели школы было выдвинуто обеспечение общего среднего образования, которое «стремится к равномерному развитию всех способностей человека». Такая школа, давая ученику общее гармоническое развитие, должна была выпускать в жизнь молодых людей, обладающих не только фактическими сведениями и навыками для дальнейшей практической и научной деятельности, но и развитой работоспособностью, что отвечало вызовам времени для стран с бурно развивающейся промышленностью.

В период игнатьевских преобразований стали формироваться новые, более демократические, отвечающие духу времени, подходы к построению надсословной модели единой образовательной системы отечественной школы [1].

Реформаторы намечали в перспективе введение единой школы (гимназии) с семилетним сроком совместного обучения, разделенной на две ступени (1–3 и 4–7 классы). В старших классах гимназии предусматривалось создать три факультета: естественно-математический (приоритет математики и естественных наук), новогуманитарный (с приоритетом русской культуры, русского языка и литературы, иностранных языков, истории) и классически-гуманитарный (традиционная русская гимназия с углубленным изучением латинского и греческого языков), на которых на базе обще-

го среднего образования дифференцированно готовились бы специалисты соответствующего профиля [5].

Это должно было найти свою реализацию в выдвигании общих для всех предметов целей, осуществление которых обеспечивалось бы соответствующим содержанием среднего образования. В данной связи, прежде всего, предстояло кардинально изменить структуру содержания образования, в частности, предполагалось значительное увеличение удельного веса предметов физико-математического цикла. При этом программно-методическим материалам придавался динамичный характер. Подчеркивалась возможность и необходимость их постоянного изменения в результате развития различных областей знаний, совершенствования общепедагогических и методических подходов.

Большое значение также имели такие перспективные подходы, как: выделение авторами программ общеобразовательного минимума (базового компонента по каждой дисциплине) единого для всех средних учебных заведений, сочетавшегося с принципом локализации в его дополнении и конкретизации; тщательная проработка содержания образования по годам обучения и ступеням по всем предметам в соответствии с новыми целями и задачами средней школы; подготовка конкретных методик преподавания отдельных дисциплин [5].

Национальное воспитание

Прогностичной чертой проекта реформы являлось взаимосвязанное рассмотрение задач обучения и воспитания. При подготовке культурных, образованных людей предусматривалось не только учить их наукам, но и воспитывать в соответствии с идеалом государства. Воспитательная программа должна была осуществляться как через содержание образования и организацию учебного процесса, так и через систему специальных воспитательных мероприятий, проводимых школой [5].

Разработчики реформы совершают неожиданный и оригинальный ход. Они новаторски делят учебный план на предметы образовательные и воспитательные. К последним относились рисование, пение, ознакомление с памятниками культуры.

Центр тяжести всей школьной работы в проекте реформы школы переносился с обучающего на воспитательный фактор, что полностью соответствовало общему направлению российской педагогической мысли. Большое место в проекте реформы уделялось патриотическому воспитанию, которое приобретало особое значение в условиях Первой мировой войны.

В качестве целеценностной основы модернизации российского образования была выдвинута задача формирования у школьников национального самосознания, любви к Родине, чувства долга перед ней и желания служить на ее пользу. Заявив в качестве главной задачи школы формирование национального самосознания и патриотизма, реформаторы трансформировали содержание обучения, сделав акцент на русской словесности, истории и географии России. Учащимся других национальностей предоставлялись возможности освоения культурного наследия своих народов, в том числе и в средней школе.

Для этого предполагалось коренным образом изменить характер преподавания не только ведущих, но и всех остальных дисциплин, а также широко использовать в преподавании местный краеведческий материал. Авторы проекта считали, что «нет такого предмета, при изучении которого преподавателям не представится возможность подчеркнуть в нем или указать его важнейшее значение для русской культуры» [5]. Так, например, при обучении истории выдвигалась задача вызывать в детях живой интерес к прошлой жизни родного народа, развить его до возможной сознательности и тем самым упрочить детскую любовь к Родине, а географии – воспитать в учащихся любовь к Родине и желание поработать над ее преуспеваемостью в области мирного труда и политического могущества.

Трансформировалась и методика – планировалось применять активные методы обучения: опыты, практические и лабораторные занятия, экскурсии.

Проект реформы школы графа П.Н. Игнатьева также предусматривал отмену цифровых баллов, то есть школьных отметок. Они заменялись осведомлением родителей о слу-

чаях неуспеваемости. Одновременно отменялись переводные и выпускные экзамены. Они заменялись периодическими проверками знаний в течение учебного года.

Разработчики проекта реформы наряду с религиозным и рациональным содержанием образования отмечали необходимость физического, трудового и эстетического аспектов обучения школьников. По идее реформаторов, трудовая деятельность становилась основой всей учебно-воспитательной работы и рассматривалась как важнейшая в подготовке «волевой, умелой и разносторонне образованной молодежи» [5].

Под руководством П.Н. Игнатьева готовились новый устав, программы и планы для средних учебных заведений, где значительное внимание уделялось расширению технического и сельскохозяйственного образования. Предлагалось ввести в школе трудовое начало как средство воспитания, а не профессионализации. Предполагалось, что труд будет не только преследовать цели профессионального обучения, но станет средством развития личности школьников. В частности, в сельской местности при учебных заведениях стали создаваться учебные селекционные участки, сады, огороды, пасеки, показательные поля. В городских гимназиях намечалось введение ручного труда [5].

Вместе с общественностью

Другой важнейшей стороной реформы П.Н. Игнатьева стало то, что она предусматривала построение образовательного процесса, исходя из проблем микросоциальной среды, связи школы с обществом. В гибкости и приспособляемости школы виделся залог ее жизненности.

П.Н. Игнатьев постоянно проявлял готовность к открытому сотрудничеству с педагогической общественностью. Министерство просвещения, заявлял он, своими планами и программами задает общий уровень и достаточно широкую рамку образовательному процессу, определяет его стратегическую направленность и осуществляет финансирование. Школы же, как локатор, получая сигнал, в соответствии с местными условиями, его трансформируют и претворяют в жизнь.

Резко поднималась значимость педагогических советов. Они получали полную свободу в использовании финансов в пределах выделенных средств. Им впервые предоставлялось право вносить, наряду с «базовым компонентом», от 1/4 до 1/3 «школьного компонента» содержания образования; в соответствии с местными условиями дополнять программы тем материалом, который они считают необходимым; вводить новые предметы; разрабатывать свои оригинальные «авторские» программы и реализовывать их, учитывая национальную и региональную специфику, потребность в специалистах. Таким образом, русская школа становилась самостоятельной, причем совершенно исчезла необходимость во всех промежуточных управленческих структурах между нею и министерством. Все тактические и методические вопросы учителя могли теперь решать сами на своих совещаниях и съездах.

Проект реформы предполагал гуманистическое признание права не только школы, но и семьи в решении совместных воспитательных и образовательных задач. Предусматривалось создание школьных советов, в которые на основе принципа равных третей входили учителя, представители общественности (земских, муниципальных органов), а также родители. Впервые (как часто это слово приходится употреблять по отношению к деятельности П.Н. Игнатьева!) вводились родительские комитеты, которые начинали постепенно играть в жизни гимназии все более и более существенную роль. Все это должно было тысячами нитей связать школу с местным населением, придавать ей импульсы к постоянному развитию, поскольку общество в отличие от государства всегда недоволено той школой, которую имеет и стремится к ее непрерывному совершенствованию.

В результате всех этих преобразований школа могла достойно существовать в материальном плане. Ведь она теперь получала доходы как минимум из четырех источников: государственного финансирования (20–25 %); поступлений из муниципального или земского бюджетов (до 60 %); частных пожертвований и процентов от вложенных

капиталов; платы родителей (не более 10–15 % от общих затрат) [5].

«Игнать-его»

Подвижническая деятельность П.Н. Игнатъева в должности министра народного просвещения в трудных условиях военного времени, с одной стороны, давала надежду на скорейшее реформирование русской школы, с другой – наталкивалась на нарастающее сопротивление правых сил и бюрократического аппарата. Летом 1916 года министр Игнатъев снова внес в Думу проект о введении всеобщего начального обучения. Однако и этот проект не получил законодательного оформления.

Пытаясь изменить положение, П.Н. Игнатъев решается на отчаянный шаг. 21 декабря 1916 года министр просвещения обратился к Государю с просьбой об отставке: «считаю своим верноподданническим долгом просить Ваше Императорское величество снять с меня непосильное бремя служения против велений совести».

27 декабря Павел Николаевич узнал из газет, что отправлен в отставку, причем в оскорбительной форме, без нового назначения. На его место был демонстративно назначен член «Союза русского народа» Н.К. Кульчицкий. Совершенно потрясенный этим, Павел Николаевич 28 декабря в последний раз собрал коллегия министерства, где поблагодарил всех за два года совместной напряженной деятельности. По завершении коллегии сотрудники министерства донесли Павла Николаевича на руках до автомобиля. Отметить для русского просвещения день 28 декабря 1916 г. траурной рамкой призвал депутат Государственной Думы Е.П. Ковалевский... [1]

Итак, проекты реформ были отвергнуты правительством, неблагоприятная ситуация во внутренней и внешней политике не позволила осуществить намеченное. Реформы П.Н. Игнатъева ждала та же печальная судьба, что и другие позитивные начинания начала XX в.

Мощный потенциал реформы

Российская система народного образования, руководимая министром-реформатором П.Н. Игнатъевым, была полностью

подготовлена к последовательной модернизации без форсированных и насильственных изменений, были созданы все условия для эволюционного демократического развития отечественного образования.

Потенциала сформулированных в ходе подготовки реформы конструктивных идей и подготовленных программно-методических материалов, особенно учебных программ хватило на то, чтобы идейно и содержательно наполнить образовательную политику Государственного комитета по народному образованию Временного правительства и школьную политику меньшевистских правительств в годы Гражданской войны [2].

Целецеленностная национально-патриотическая направленность стратегии модернизации образования и «игнатьевские» программы по предметам были реализованы в 1920-е годы в школах Российского Зарубежья в условиях эмиграции.

Несомненно, и то, что все основные стратегические положения проекта реформ, разработанного под руководством П.Н. Игнатьева, были с учетом иных политических доминант восприняты и при построении советской системы образования, особенно в 1917–1925 годах.

Безусловно, потенциал, заключенный в охарактеризованной государственно-общественной стратегии актуален и в современных условиях. По масштабу и глубине идей, заложенных в разработанной программе преобразований, «игнатьевская реформа» может быть поставлена в один ряд с самыми значительными образовательными проектами, которые известны российской истории [4].

«Над Канадой небо сине»

В июле 1917 г. П.Н. Игнатьев переехал вместе с семьей в Кисловодск. Вскоре после занятия Северного Кавказа белыми частями, в январе 1919 г. П.Н. Игнатьев выехал в Новороссийск, а оттуда, через Константинополь, в Болгарию. В мае 1919 г. граф П.Н. Игнатьев эмигрировал в Англию, «не имея за душой и пенни» [3]. Был председателем заграничной организации Российского общества Красного креста, много сделал для обустройства школ

русской эмиграции в Европе, в которых были реализованы положения его реформаторского проекта.

В 1932 г. переехал за океан, в Канаду, где поселился в Аппер-Мельбурне (провинция Квебек), маленьком городке на реке Сент-Франсис к югу от Монреаля. Здесь он доживал «свою старость в нищете, питаюсь тем, что приносил ему огород, им же обрабатываемый» [3].

В 1945 г. ему было возвращено советское гражданство, но в СССР он не поехал, а упокоился 12 августа 1945 г. и был погребен на кладбище Св. Андрея в Ричмонде [3].

Вспоминаются строчки А. Городницкого:

*Над Канадой, над Канадой
Солнце низкое садится.
Мне уснуть давно бы надо,
– Отчего же мне не спится?
Над Канадой небо сине,
Меж берёз дожди косые...
Хоть похоже на Россию,
Только всё же – не Россия.*

Литература

1. Богуславский М.В. Очерки истории отечественного образования XIX–XX веков. – М.: Изд-во Московского Культурологического лица, 2002. – 96 с.

2. Богуславский М.В. Современная стратегия модернизации российского образования: историко-педагогический контекст // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 6(91). – С. 43–47.

3. Игнатъев М. Русский альбом: Семейная хроника / М. Игнатъев. – СПб.: журнал «Нева», 1996. – 232 с.

4. Куликова С.В., Богуславский М.В. Совершенствование историко-педагогического образования: проблемы и перспективы // Психолого-педагогический поиск. – 2013. – № 1(25). – С. 50–60.

5. Материалы по реформе средней школы. Примерные программы и объяснительные записки, изданные по распоряжению министра народного просвещения. – Петроград, 1915. – 554 с.